

Русская Православная Церковь
Московская епархия

Приходской листок

Благовещенского храма д. Матвеевское

№21 (5 августа 2012 года).

Неделя IX по Пятидесятнице

Апостольское чтение на литургии

Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение.

Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит.

Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос.

Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы,- каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду.

А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня.

Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?

Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм - вы.

(Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла, Глава 3,9-17).

О, мой Господь, мой Бог,
Любовь Твоя безмерна и чиста
И оттого так радостно на свете:
То светит солнце, то подует ветер -
Во всём Твоя сияет красота
И светится любовь...
И розы расцветают
И тихо шепчет лист осенний ...
В небе тает туман земного бытия
И душу наполняет Твоя любовь,
О Бог, любовь Твоя!
Она так бесконечна, так всевластна,
Я мучился во сне, во тьме безгласной -
О, ужас, я не знал Тебя!
О, мой Господь, о Пастырь мой,
Ты в день такой несказанно прекрасный
Открыл мне удивительный и ясный
Твой лучезарный мир...
И Царства Твоего незримого
Я страстно возжелал...
И Ты вошёл в меня
Когда к Тебе воззвал.
(Вадим Симонов)

Евангельское чтение на литургии

И тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ.

И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один.

А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный.

В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю.

И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали.

Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь.

Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде.

Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня.

Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?

И, когда вошли они в лодку, ветер утих.

Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий.

И, переправившись, прибыли в землю Геннисаретскую. *(Евангелие от Матфея, Глава 14, 22-34)*

Святоотеческое поучение

Св. апостол Петр, с позволения Господня, сходит с корабля и идет по воде; потом уступает движению страха и начинает тонуть. То, что он решился на такое необычайное дело, уповая на Господа, не представляет ничего укорительного, ибо иначе Господь не позволил бы ему того; укорительно то, что он не выдержал первого строя душевного. Его исполнило воодушевленное упование на Господа, что Он все может, и это дало ему дерзновение ввериться волнам. Сделано уже несколько шагов по этому новому пути: надлежало только крепче стать в уповании, взирая на Господа, Который близ, и на опыт хождения Его силою, а он вдался в человеческие помышления: "силен ветер, велики волны, вода не тверда"; это и расшатало и ослабило в нем крепость веры и упования. Оторвался он по этой причине от руки Господа и, оставшись преданным действию законов естества, начал тонуть. Господь укорил его: "маловерный! зачем ты усомнился?", показывая, что в этом вся причина беды. Вот урок всем, которые предпринимают что-либо, великое или малое, в видах угождения Господу! Хранить первый строй веры и упования, от которых рождается великая добродетель - терпение в доброделии, служащее основой жизни богоугодной. Пока хранятся эти расположения, до тех пор воодушевление на труды в начатом пути не отходит, и препятствия, как бы велики они ни были, не замечаются. Когда же они ослабеют, тотчас наполнят душу человеческие соображения о человеческих способах к сохранению жизни и ведению начатых дел. А так как эти последние всегда оказываются бессильными, то в душу входит страх, как быть; отсюда колебания продолжать ли, а наконец и совсем возвращение вспять. Надо так: начал - держись; мысли смущающие гони, а держай о Господе, Который близ. *(Святитель Феофан Затворник. Мысли на каждый день года)*

Дорогие братья и сестры! Просьба не использовать приходской листок в хозяйственных целях.

О самой прекрасной службе в моей жизни

В советское время не было, пожалуй, более ужасающего символа разорения Русской Церкви, чем Дивеевский монастырь. Эта обитель, основанная преподобным Серафимом Саровским, была превращена в страшные руины. Они возвышались над убогим советским райцентром, в который превратили некогда славный и радостный город Дивеево. Власти не стали уничтожать монастырь до конца. Они оставили развалины как мемориал своей победы, памятник вечного порабощения Церкви. У Святых врат обители был водружен памятник вождю революции. С воздетой к небу рукой он встречал каждого приходящего в разоренный монастырь.

Все здесь говорило о том, что к прошлому возврата нет. Столь любимые по всей православной России пророчества преподобного Серафима о великой судьбе Дивеевского монастыря, казалось, были навсегда попорчены и осмеяны. Нигде, ни в ближних, ни в дальних окрестностях Дивеева, действующих храмов не осталось и в помине — все были разорены.

В ту зиму замечательный, очень добрый монах из Троице-Сергиевой лавры, архимандрит Вонифатий, попросил меня сопроводить его в поездке в Дивеево. По церковным уставам, священник, отправляясь в дальний путь со Святыми Дарами — Телом и Кровью Христовыми — должен непременно брать с собой провожатого, чтобы в непредвиденных обстоятельствах вместе защищать и хранить великую святыню. А отец Вонифатий как раз и собирался в Дивеево, чтобы причастить обретавшихся в окрестностях монастыря старых монахинь — последних доживших до наших дней со времен еще той, дореволюционной обители. Путь нам предстоял поездом через Нижний Новгород, тогдашний Горький, а оттуда на машине в Дивеево. В поезде батюшка всю ночь не спал: ведь у него на шее на шелковом шнурке висела маленькая дарохранительница со Святыми Дарами. Я спал на соседней полке и, время от времени просыпаясь под стук колес, видел, как отец Вонифатий, сидя за столиком, читает Евангелие при слабом свете вагонного ночника. Мы доехали до Нижнего Новгорода — родины отца Вонифатия — и остановились в его родительском доме. Отец Вонифатий дал мне почитать дореволюционную книгу — первый том творений святителя Игнатия (Брянчанинова), и я всю ночь не сомкнул глаз, открывая для себя этого поразительного христианского писателя. Наутро мы отправились в Дивеево. Путь нам предстоял около восьмидесяти километров. Отец Вонифатий постарался одеться так, чтобы в нем не могли узнать священника: тщательно подобрал пальто подрясника под пальто, а свою предлинную бороду спрятал в шарф и воротник.

Уже смеркалось, когда мы приближались к цели нашей поездки. За окном автомобиля в вихрях февральской вьюги я с волнением различал высокую колокольню без купола и остовы разрушенных храмов. Несмотря на столь скорбную картину, я был поражен необыкновенной мощью и тайной силой этой великой обители. А еще — мыслью о том, что Дивеевский монастырь не погиб, но живет своей непостижимой для мира сокровенной жизнью.

Так и оказалось! В захудалой избе на окраине Дивеева я встретил такое, чего не мог вообразить даже в самых светлых мечтах. Я увидел Церковь, всегда побеждающую и несломленную, юную и радующуюся о своем Боге — Промыслителе и Спасителе. Именно здесь я начал понимать великую силу дерзновенных слов апостола Павла: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе!» И еще: на самой прекрасной и незабываемой церковной службе в моей жизни я побывал не гденибудь в великолепном кафедральном соборе, не в прославленном седой древностью храме, а в райцентре Дивееве, в доме № 16 по улице Лесной. Точнее, это был даже не дом, а старая банька, приспособленная под жильё.

Впервые очутившись здесь с отцом Вонифатием, я увидел комнатушку с чрезвычайно низким потолком, а в ней десять старух, ужасно древних. Самым младшим было, по крайней мере, далеко за восемьдесят. А старшим, совершенно определенно, больше ста лет. Все они были в простых старушечьих одеждах, в обычных платочках. Никаких ряс, монашеских апостольников и клобуков. Ну какие они монахини? «Так, простые бабки», — подумалось бы мне, если бы я не знал, что эти старухи — одни из самых мужественных наших современниц, истинные подвижницы, прошедшие в тюрьмах и лагерях долгие годы и десятилетия. И несмотря на все испытания, лишь умножившие в душе веру и верность Богу. Я был потрясен, когда на моих глазах отец Вонифатий, этот почтенный архимандрит, настоятель храмов в патриарших покоях Троице-Сергиевой лавры, заслуженный и известный в Москве духовник, прежде чем благословить этих старух, встал перед ними на колени и сделал им земной поклон! Я, честно говоря, не верил своим глазам. А священник, поднявшись, принялся благословлять старух, которые, неуклюже ковыляя, по очереди подходили к нему. Видно было, как искренне они радуются его приезду.

Пока отец Вонифатий и старухи обменивались приветствиями, я огляделся. По стенам комнатушки, у икон в древних кивотах тускло горели лампы. Один образ сразу обращал на себя особое внимание. Это была большая, прекрасного письма икона преподобного Серафима Саровского. Лик светился такой добротой и теплом, что не хотелось отрывать взгляда. Образ этот, как я узнал после, был написан перед самой революцией для нового дивеевского собора, который так и не успели освятить и чудом спасен от поругания.

Тем временем стали готовиться ко всенощной. У меня дух захватило, когда монахини стали выкладывать из своих тайных хранилищ на грубо сколоченный деревянный стол подлинные вещи преподобного Серафима Саровского. Здесь были келейная епитрахиль преподобного, его вериги — тяжелый железный крест на цепях, кожаная рукавица, старинный чугонок, в котором Саровский старец готовил себе еду. Эти святыни после разорения монастыря десятки лет передавались из рук в руки, от одних дивеевских сестер другим.

Облачившись, отец Вонифатий дал возглас к началу всенощного бдения. Монахини как-то сразу воспрянули и запели.

Какой же дивный, поразительный это был хор!

— «Глас шестый! Господи, воззвах к Тебе, услыши мя!» — возгласила грубым и хриплым старческим голосом монахиня-канонарх. Ей было сто два года. Около двадцати лет она провела в тюрьмах и ссылках.

И все великие старухи запели вместе с ней: «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя! Услыши мя, Господи!»

Это была непередаваемая словами служба. Горели свечи. Преподобный Серафим смотрел с иконы своим бесконечно добрым и мудрым взглядом. Удивительные монахини пели почти всю службу наизусть. Лишь иногда кто-то из них заглядывал в толстые книги, вооружившись даже не очками, а огромными увеличительными стеклами на деревянных ручках. Так же они служили и в лагерях, в ссылках и после заключения, возвратившись сюда, в Дивеево и обосновавшись в убогих лачугах на краю города. Все было для них привычно, а я действительно не понимал, на небе нахожусь или на земле. Эти старухи-монахини несли в себе такую духовную силу, такую молитву, такие мужество, кротость, доброту и любовь, такую веру, что именно тогда, на этой службе, я понял, что они одолеют все. И безбожную власть со всей ее мощью, и неверие мира, и самую смерть, которой они совершенно не боятся..

Архимандрит Тихон (Шевкунов)